

Маргарита Александрович без грима не менее интересна, чем ее героини

Мы живем в мире, где женственность уже не является непреложной истиной. Но истинная женственность не исчезла. Где она? Да хотя бы в Музыкальном театре, где к вам выходят Сильва, Марица, Теодора, Розалинда, герцогиня Мальборо — все вариации женственности, чувственности, греховности и безгрешности в исполнении Маргариты Александрович. Актриса не играет себя, но, разрабатывая образ, достает изнутри столь много, что сама удивляется: и ЭТО тоже я?! Последняя роль великолепная и очень сложная. Василиса в мюзикле «Софья Гольшанская» выходит на сцену поступью королевы. Она и в самом деле без пяти минут королева, но...

— В истории Василисы много современного, — говорит Маргарита Александрович. — Наши девочки, как и она, мечтают о заморском принце, думают, что где-то лучше, чем здесь. Когда я работала над ролью, то увидела, какой это глубокий психологический образ. Василиса любит рыцаря Ганчу — безответно. Девушка запрятала любовь глубоко в сердце и решила: если идти замуж за нелюбимого, то только за короля. А король неожиданно предпочел сестру. Василиса прилюдно оскорблена, и этим пользуются темные силы. Они сталкивают сестер. И какой мощный финал! Василиса, в руках которой кубок с ядом, твердит, как сомнамбула: «Пришло мое время, пришло мое время...» Стоит только поднести кубок сестре — и нет Софьи. Этого не происходит.

— Убитой оказывается сама Василиса — от руки королевского шута. Так придумала драматург. А какой финал вы бы сделали?

— Василиса выпивает отраву. Это высшее проявление любви к сестре — наказать себя даже за то, что посмела думать о мести. Это как взятие Бастилии любви...

Спасибо создателям мюзикла за возможность сыграть и спеть Василису. В обществе сложился стереотип: мюзикл — вихрь кордебалетных юбок и песня влюбленных сердец в финале. Нет, мюзикл — это еще и драма сложных натур. Люблю «роли на сопротивление», люблю классических героинь композиторов Легара, Штрауса, Кальмана... Каждая роль забирает много сил, поэтому дороги все — и острохарактерные, и лирические, и комические...

— В текущем репертуаре у вас из тринадцати ролей пять мюзикловых. Где легче работать — в оперетте или мюзикле?

- ***Я склонна быть адвокатом женщин. Наша женская повседневная жизнь настолько напряжена, многовекторна, она нам бросает такие вызовы, заставляет быть ходячими логарифмическими линейками и ежечасно, ежеминутно высчитывать правильные ходы, что нам нужно сочувствовать.***

— И оперетта, и мюзикл — очень сложные жанры. Легковесность мнимая. Песня, танец, диалог, а порой все это происходит одновременно, требуют большого актерского диапазона. Мюзикл оттеняет оперетту, после мюзикла начинаешь пересматривать те опереточные роли, которые давно сделаны, и находишь дополнительные краски и нюансы.

— **В фильме «Девушка без адреса» утверждается: артисту оперетты необходимо владеть каскадом. Каскад — шик-блеск-кураж, когда летят искры, ради чего, собственно, зритель и ходит в ваш театр. Каскаду можно научиться?**

— Технически — да. Можно натренировать голосовой аппарат, подготовить «психофизику». Но... Блеск у актера в глазах появляются только тогда, когда он обожает свой жанр.

— **Вы обожаете?**

— Только так! Он мой. Мне хочется в нем расти, совершенствоваться. Я работаю в команде талантливых людей, мы зажигаемся один от одного. Конечно, многое зависит и от зрителей. Бывает, они приходят к нам после большого трудового дня, и тогда зал тяжелый. Зажечь зрителя, зарядить положительной энергией, чтобы после спектакля он вышел отдохнувшим и помолодевшим, — вот для чего мы выходим на сцену. Конечно, такой спектакль забирает все силы, вытягивает все соки... А бывает, зрители заводятся с пол-оборота. Помню одну потрясающую «Летучую мышь», когда партер, оркестр и сцена соединились в единое целое: мы только начинали диалог, а зрители тут же начинали реагировать — радоваться, переживать за героев. В нынешнем октябре давали «Поручика Ржевского» в Клайпеде. Люди соскучились по русской речи, русскому водевилю, они хохотали и рукоплескали... По-моему, на том спектакле были счастливы все: и зрители, и артисты.

Маргарита Александрович

- ***имеет степень магистра искусств, она прекрасный педагог, учит вокалу студентов БГУКИ и БГПУ;***
- ***водитель авто с четырехлетним стажем, причем если в театре она человек команды, то на трассе — абсолютный и непоколебимый***

индивидуалист («Вы бы видели, какой успех я имею на дороге — намного больше, чем в театре!»);

- *держит физическую форму потому, что постоянно работает.*

— **Что больше любите — петь или играть?**

— Петь. Даже когда у меня нет спектакля, но вижу в театре свободного концертмейстера, подхожу и прошу: давайте пройдем еще раз «Марицу», «Сильву»...

— **Вас в детстве не ставили на табуреточку перед гостями: «Рита, спой»?**

— Этого не было, я росла очень стеснительным человеком, не пела ни дома, ни в музыкальной школе (окончила класс фортепиано), ни в архитектурно-строительном техникуме... Тихо вынашивала замысел стать артисткой. Боялась сцены и одновременно желала ее.

...Моя искра высекается из преодоления себя. Когда волнуясь перед спектаклем, неожиданно для самой появляется трепет — играю и пою, как в первый раз.

- *Можно натренировать голосовой аппарат, подготовить «психофизику». Но... Блеск у актера в глазах появляются только тогда, когда он обожает свой жанр.*

— **Извлекаете опыт из жизни своих героинь?**

— Бывает. Такое происходит, когда готовлюсь к роли. Например, размышляя над образом герцогини Мальборо в мюзикле «Стакан воды», я заинтересовалась личностью Маргарет Тэтчер и представила: что было бы, если бы несокрушимая «железная леди» вдруг «споткнулась» на любви к молодому парню? Восторжествовало бы женское начало? Думаю, да. Совершенно иная ситуация сложилась у моей героини Нины в «Севастопольском вальсе»: ей пришлось признаваться любимому в измене. Ее «прости» означает «пойми»: другой мужчина спас меня в блокаду, накормил, обогрел, я не могла отказать ему. Нина честно признается в содеянном. Ее надо оправдать, а многие готовы бросить камень...

Я склонна быть адвокатом женщин. Наша женская повседневная жизнь настолько напряжена, многовекторна, она нам бросает такие вызовы, заставляет быть ходячими логарифмическими линейками и ежечасно, ежеминутно высчитывать правильные ходы, что нам нужно сочувствовать, нас нужно носить на руках, оберегать. Тогда мы будем еще лучше и прекрасней.

Когда затевалась постановка мюзикла «Голубая камей», контроль над ней держали россияне во главе с автором — композитором Кимом Брейтбургом. Театралы были уверены: на роль княжны

Таракановой утвердят Александрович. Это ее ампула, ее тема — любовь. Играть и петь любовь на сцене архитрудно, однако Маргарита владеет искусством передавать даже бешеную страсть без заламывания рук и рыданий в голосе, делает это достоверно, тонко, умно. Она шла на кастинг, уверенная: несчастная Тараканова и только Тараканова, а предложили... императрицу Екатерину Великую.

Чтобы вжиться в роль легенды, актриса принялась изучать эпоху, психологию «активистки, комсомолки, просто красавицы» XVIII века. Образ императрицы многослойный, он искрится разными красками. А когда в финале Александрович выдает свою фирменную фермату — продление звука звонким, ярким, серебристым голосом, зрители вначале цепенеют, боятся выдохнуть, а спустя секунд десять начинают неистово аплодировать: ура театру, виват императрице!

Ну а актрисе — букет цветов. А что еще? Ведь голова ее и без того увенчана короной...

6.12.2013 , Светлана Шидловская, «МК»